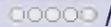

Елена Трухан. Достоевский - имя обжигающее

Рейтинг: / 0

Плохо Отлично

Подробности

Категория: [Критика, литературоведение](#)

Автор: [Елена Трухан](#)

Просмотров: 25

[2021 год](#), [Выпуск № 5](#)

К 200-летию Ф. М. Достоевского и 70-летию Л. А. Никоновой.

Кузнецкой земле повезло необычайно: в середине XIX века на нее ступил «вчерашний каторжник» и «гений завтрашних времен» Федор Михайлович Достоевский. С тех пор растет число попавших под влияние писательского дара, ощутивших глубокое духовное очищение и преображение от его книг. Владимир Мазаев и Николай Якушин, Николай Николаевский и Любовь Никонова, Мэри Кушникова и Вячеслав Тогулев, Александр Савченко и Альбина Шадрина, Леонид Сербин и Валентин Павлов... Список тех, кого не просто коснулись, а прямо-таки обожгли биографические страницы Достоевского, кто оказался вовлечен в бесконечно меняющийся круговорот жизни его литературных героев, смущен и обескуражен внезапно открывшейся «всей подноготной» отдельного человека и человечества, ширится год от года.

«Обжигающее имя – Достоевский!» – метафорически обозначил собственную художественную встречу с ним новокузнецкий поэт, прозаик и педагог Любовь Алексеевна Никонова. Ей, чаще других региональных авторов припоминавшей классика в своем творчестве, суждено было пройти с его именем от подросткового возраста до конца жизни...

Первое прикосновение к художественному миру Ф. М. Достоевского произошло у Никоновой в 15–16 лет. «В подростковом возрасте открыла для себя Блока и Достоевского, – писала она в очерке «Сокровенное свечение». – Это мои самые большие литературные привязанности». В тот период Любовь Алексеевна уже переехала из родного села Владимировка Хворостянского района Самарской области в суровый индустриальный Новокузнецк, жила в семье сестры Валентины Алексеевны Смотрителейвой, училась в старших классах и продолжала писать стихи. В ее творческую жизнь вошел сначала Достоевский, рекомендованный к изучению общеобразовательной программой. Но ненасытная жажда чтения, неистребимое любопытство и любознательность Никоновой значительно расширили рамки школьного списка литературы.

Автор «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных» с первого знакомства был воспринят Л. А. Никоновой как близкий по духу, родной. Все несчастное,

бедное, хворое и обиженное судьбой находило у нее, как и у любимого писателя Достоевского, сострадание и участие, обращало на себя пристальное внимание, вызывало симпатию. В этом смысле знаменательны строчки из письма Любови Алексеевны, адресованные 27 ноября 1982 года подруге Валентине Андреевне Куртовой:

«Были от тебя перед праздниками 2 письма. Мне особенно понравилось второе, где в числе прочего говорилось о «хроменьких и забытых». Не вижу неврастения в том, что ты любишь хроменьких. <...> Я всегда жалела и жалею всех тихих, робких и слабых. И чем больше становится «рвачей и выжиг», тем заметнее на этом беззастенчивом фоне безответные и забытые существа...»

Со временем в мире Никоновой Достоевский сильно преобразился: стал для нее одним из культурных символов Новокузнецка и всей Кузнецкой земли, их «священным камнем» – огненно-горячим, как металлургическая и угольная отрасли, и горючим, как слеза шахтерских вдов, побирающейся бедноты с городских окраин или самой сибирской природы, подминаемой стремительными темпами индустриальных лязгающих строек. «В Новокузнецке, городе металлургов, много огня. Наверное, это не просто физическое пламя, но огонь веры, надежды и любви», – размышляла она в эссе «Лик города» (1998), причисляя к общему высокому горению и заветное «обжигающее имя». Достоевский прочно закалился в этом огне, переплавив телесное в духовное, бытовое и текущее – в вечное. Он стал неотъемлемой частью художественного мира Любови Никоновой. На нем, словно на чудодейственном бел-горюч камне Алатыре, вся ее писательская вселенная и держится. Удивительно, но куда бы мы ни от-

равились вместе с лирической героиней – обязательно придем к краеугольному камню русской литературы: кажется, все извилистые тропки и широкие дороги Никоновой начинаются и завершаются Достоевским.

В попытках постичь «сокровенные смыслы» Слова, понять себя и определить источники вдохновения Любовь Никонова пытливно вглядывалась в рисунки, «черновики, наброски, заметки других авторов». Она видела, как в них беззащитно обнажается писательское «творческое естество», правдивое и искреннее, которое невозможно подделать. Не стал исключением и Достоевский с его каллиграфическими упражнениями и графическими рисунками на полях рукописей. «В юности, чтобы исследовать это «естество» опытным путем, я переписывала от руки фрагменты произведений Гоголя, Чехова, Бунина. Отдельные тетради были заведены для Достоевского и Блока», – продолжала раскрывать свои писательские секреты Любовь Никонова.

И тут вспоминается один из разговоров с бывшим библиотекарем Кузбасской православной духовной семинарии Ольгой Никифоровной Голиковой, активно общавшейся с Любовью Никоновой в последние годы ее жизни... Оказывается, во время своего обучения в пединституте она писала дипломную работу, посвященную жизни и творчеству Достоевского! Можно ли назвать такое случайностью, совпадением? Пожалуй, нет. Скорее, первыми подступами к серьезным авторским высказываниям о Федоре Михайловиче в стихах и прозе.

Но по-настоящему прорваться сквозь компилятивные ученические тексты, ворох цитат и скромные заметки о книгах Достоевского Любови Никоновой удалось только в 1980-х. Несмотря на то что классик прочно вошел в круг ее писательских и читательских интересов, процесс этот не был легким да гладким. Напротив, вызывал внутренние споры, притяжения и отталкивания, вовлекал в клубок отчаянных противоречий и нескончаемых размышлений над «вечными вопросами». Как ни странно, но особенно остро это стало ощущаться в период ее работы (1982–1987) научным сотрудником в новокузнецком музее писателя, в то

время – филиале городского краеведческого музея. 16 октября 1982 года она откровенно признавалась в этом своей подруге-однокурснице Валентине Куртовой:

«Валя, ты просишь написать все, что я знаю об Исаевой и Достоевском. Знаю я мало. Но о Федоре Михайловиче у меня складывается мнение очень противоречивое. Мне кажется, что Н. Страхов в своем «клеветническом» письме к Толстому писал о Достоевском истину. А вообще, Валя, все приходит с опозданием. Когда-то я ничего лучше и выше Достоевского в литературе не видела. Вот тогда бы и надо было мне водвориться в этот музейчик (но тогда музея не существовало). А сейчас я далека от мира Достоевского. Далека.

Помнишь, в «Братьях Карамазовых» он говорит о людях, для которых важнее всего не деньги, не положение, а важно «вопрос разрешить». У меня тоже есть «вопрос», очень, кстати, близкий к вопросу, которым задавался Иван Карамазов. Но каждый разрешает свои вопросы по-своему. Пути Достоевского мне не нравятся».

Тем не менее работа в музее как новый этап погружения в жизнь и творчество Ф. М. Достоевского заставили Никонову вновь откорректировать собственную позицию, обнаружить новые грани личности гения, масштабности его влияния. Понятие о нем значительно расширилось, в том числе за счет изучения достопримечательных кузнецких объектов и мест, где он, мучимый «грозным чувством», оказался. Никонова смотрит на них особенно – через призму романов Достоевского, в контексте их тягостной и душной атмосферы:

«Дому 150 лет, если не больше (ул. Достоевского, 40, мемориальный дом писателя в Новокузнецке. – Е. Т.). В нем темно, сыро, холодно. Находится он недалеко от тюрьмы (Достоевский и темные страдания всегда совпадают)...»

В 2009 году, отвечая на вопросы анкеты почетных читателей Центральной городской библиотеки им.

Н. В. Гоголя, Любовь Алексеевна создала «Драгоценный список любимых литературных произведений». Под номером один в нем назвала имя Достоевского и его главные творения, без которых не мыслила себя как читателя: «Преступление и наказание», «Идиот», «Кроткая», «Братья Карамазовы». Этот перечень располагался сразу после «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа», никак не пронумерованного. Иными словами, Евангелие стояло у нее выше всех, словно возносилось на престоле в золотом окладе, было Книгой Книг, как и полагается у православного христианина. А Федор Михайлович со своим творчеством следовал сразу за ним, располагался «у подножья» Священного Писания. В зрелости он стал для Никоновой истинным духовным маяком, освещающим крестный писательский и личностный путь, указующим верное направление: «...Далее мои литературные интересы двигались в русле христианства. Без знакомства с книгами Достоевского это было бы невозможно...»

«Обжигающее имя»... Никонова понимала, что «огненная» природа творческого дара писателя распространяется и на восприятие его произведений. Тексты Достоевского нельзя проглотить залпом «без вреда для здоровья». Его следует «вкусать» постепенно, «маленькими глотками», ведь для аудитории неподготовленной такое касание может стать испепеляющим, обугливающим, припекающим, раскаленным... Следы от подобного чтения навсегда остаются и в памяти, и в сердце. Человеку равнодушному, точнее, «равнодушному к отечественной культуре», как определяет Никонова почитателей Достоевского, они не дают покоя, не могут позволить жить по-старому, оставаться глухим к «интонациям» русского духа, растворенного в бескрайнем пространстве Родины:

«...У Достоевского нашла что-то бесконечно близкое, интонации о. Василия. А когда в 1968 году посмотрела уже в Новокузнецке фильм Ивана Пырьева «Братья

Карамазовы», была потрясена невероятно: старец Зосима, изображенный там, будто явился из Владимировки – так сильно напоминал он нашего доброго батюшку о. Василия...»

В сознании Никоновой организуются сложные не-очевидные связи: между литературным миром Достоевского и миром реальным – селом в Среднем Поволжье, где она появилась на свет и выросла; между знакомым ей с детства человеком – отцом Василием – и Достоевским как автором-рассказчиком (или его персонажем). Православная христианская линия литературного текста Достоевского через десятилетия прокладывает путь в настоящее, внезапно обнаруживается у знакомого ей лично деревенского священника. Такой подход к пониманию Слова как категории вечности, как метафоры непрекращающейся жизни исключительно важен, ведь Любовь Алексеевна считала именно Достоевского своим проводником в постижении духовных основ православия, их непреходящей ценности, а его произведения путеводными, преисполненными пророческой силы.

Заметим, что слово Достоевского, услышанное Никоновой во второй половине XX века в сельской церквушке, произносится с особой интонацией, лучится необыкновенной музыкальностью. Музыка всегда закрепляла интуитивные прозрения и догадки поэтессы, помогала ей почувствовать суть вещей и явлений.

И не только ей. Кажется, в современном мире это коснулось восприятия слова Достоевского в целом. Все чаще произведения русского классика сокращают свой путь к читателю через «оживление» посредством аудиозаписи. Значительную роль в озвучивании играет мелодика речи, громкость, темп, тон, ритмика, особенности фонации произносящего. Такая форма подачи текста Достоевского стала важным условием его узнавания и понимания. Еще раз убедилась в том, увлекшись аудиокнигами, погружением в аудиоспектакли. Краем глаза заглянула в отзывы: многие отмечали, что только благодаря выразительному чтению актеров, таких как Юрий Заборовский («Братья Карамазовы» и «Бесы»), Валерий Гаркалин («Сон смешного человека»), Александр Москалин («Идиот»), Всеволод Кузнецов («Преступление и наказание») и др., наконец-то открыли для себя Достоевского, смогли понять смыслы, которые стремился донести автор. Тут же некоторые категорично заявляли: женские голоса совсем не подходят полифоничному и напряженному романному миру писателя! Словом, актерское умение делать «правильные паузы», «мастерски расставлять акценты», «передавать эмоции героев» способствовало приходу Достоевского в жизнь новой, ранее не желавшей к нему обращаться аудитории...

Умение слышать музыку слова Достоевского или других шедевров мировой литературы, искать вдохновение в кино, живописи, театре, архитектуре, танце – все это было свойственно Любви Никоновой. Свежие и запоминающиеся образы других искусств сильно воздействовали на ее внутренний мир, помогали лучше осознавать и интерпретировать наследие Достоевского. В этом смысле показательно творческое сотрудничество поэтессы с художниками Альбертиной Федоровной Фомченко (1939–2010) и Германом Порфирьевичем Захаровым (1933–1992) – авторами произведений, посвященных кузнецким дням Достоевского. С последним Любовь Алексеевна часто беседовала, посещала его мастерскую, интересовалась творческими планами, присутствовала на открытии персональных выставок, иногда пересекалась в доме их общего друга – поэта Игоря Киселева, автора предисловия к ее первому поэтическому сборнику «Скрипичный ключ» (1974). Картину «Кузнецкий венец» среди других «достоевских» работ, написанных им в 1980-х годах, таких как «Бессмертие», «Вечный вопрос», графический цикл о М. Д. Исаевой и др., вообще считала вершиной творчества Г. П. Захарова. О ее доставке в музей Достоевского неоднократно рассказывала и писала. В статье

«Духовной жаждою томим» обращала внимание на то, как искусно и верно художник передал на полотне эмоциональное состояние писателя и его супруги:

«Наиболее известна картина «Двойной портрет Достоевского и Исаевой, или Кузнецкий венец» (оргалит, масло). Если даже не знать сюжета кузнецкой драмы Достоевского, все равно по картине можно догадаться, что изображенные Захаровым люди – мужчина и женщина – связаны отношениями напряженными, болезненными, о чем говорит узел переплетенных рук...»

Любови Никоновой посчастливилось весомо сказать о Достоевском в прозе, поэзии и публицистике. Наиболее глубоко ее мысли и чувства воплотились в очерке «Кузнецкий венец» (1986), стихотворении «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год» (1987), трактате «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» (1991) и поэтическом цикле «Волна блаженства и волна страдания» (1987–2001).

Самым известным из всех никоновских творений о Достоевском является, пожалуй, стихотворение о кузнецком венчании, написанное в 1987 году. Возможно, росту его популярности способствовало частое исполнение Любовью Алексеевной этого произведения на многочисленных творческих вечерах.

Немногим известно, но «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год» отчасти создавалось как соперничество (или полемика) с известным стихотворением «Жена Достоевского» московского поэта Владимира Николаевича Корнилова (1928–2002). Младший современник и друг А. А. Ахматовой, Б. А. Слуцкого и

Л. К. Чуковской, острый публицист, исключенный из Союза писателей за правозащитную деятельность, Корнилов написал эти стихи в 1965 году и посвятил их второй супруге Достоевского – Анне Григорьевне Сниткиной. Произведение высоко оценила литературная общественность того времени, оно приобрело широкую известность. Обратила на него пристальное внимание и Любовь Никонова. Подтверждением тому стал обнаруженный в писательском архиве текст корниловского стихотворения, переписанный ее рукой. Знакомство с позицией другого автора, скорее всего, натолкнуло Никонову на мысль о создании собственного «легендарного» произведения о Ф. М. Достоевском. В его основе должен был оказаться региональный материал – венчание будущего великого романиста с вдовой М. Д. Исаевой в Кузнецке.

Вообще, судьба Исаевой и все, что касалось памяти о ней, глубоко волновали поэтессу. Об этом она говорила даже в личной переписке, предлагая разные версии причин стирания из биографии писателя следов его первой любви. Своей подруге Валентине Куртовой 10 сентября 1982 года Любовь Никонова пишет:

«... письма М. Д. Исаевой к Достоевскому уничтожила вторая жена писателя – А. Г. Сниткина. Зачем ей понадобилось так расправляться с Исаевой? Что это: недоброжелательность к сопернице (пусть мертвой), или ревность, или попытка вычеркнуть из жизни Достоевского что-либо неблагоприятное, компрометирующее?»

Ей-богу, меня почему-то потрясла судьба писем Исаевой.

Вообще, что такое письма?..»

Никонова была категорически не согласна с Корниловым в том, что Мария Дмитриевна принадлежала к «испокон нравным, вздорным, прытким воронам», как образно охарактеризовал московский автор всех возлюбленных Достоевского вплоть до его второго брака. Вероятно, и А. Г. Сниткину она не воспринимала столь однозначно, ангельски иконописно, как он: «горлица среди ворон», «кротость – взамен своенравия, ангел – никак не жена», «смирная в славе и в горести», «как при иконе – свеча», «отвага и верность», «больше российской словесности так никогда не везло»...

Никонова создала другой образ Исаевой – страдающий, переходный, пограничный между реальностью и литературой. Образ личности сильной, одновременно понимающей и принимающей свою высокую миссию музы писателя:

*...Тесна одежда подвенечная.
И губы сохнут, как полынь...
Невыносимо быть предтечею
Его тревожных героинь!*

*Они его волнуют, мучают
И жертвы требуют большой...
Сопротивлялась странной участи
Она неслабую душой.*

*И все ж ни волей, ни сознанием
Не защитилась.
Не спаслась.
Венца кузнецкого сиянием
Необратимо облеклась.*

Легко обнаружить, что главными мотивами никоновского стихотворения стали именно ключевые «достоевские» мотивы: возможности собственного выбора, жертвы и глобальной личностной метаморфозы, литературного гения и жизненных обстоятельств. Отличное знание биографии и литературного творчества знаменитого прозаика позволило автору стихотворения показать тонкий мучительный переход реальности в литературу.

Позднее стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке» прозвучало финальным аккордом авторского поэтического цикла «Волна блаженства и волна страданья». Он оформился к 2002–2003 годам, был опубликован сначала в литературно-краеведческом альманахе «Кузнецкая крепость», а затем – в итоговом сборнике «Знакомый мир неузнаваемый» (2011). Задает драматический тон этой тематической подборке эпиграф – слова Дмитрия из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (глава «Исповедь горячего сердца. В стихах»):

«...Бог создал одни загадки. Тут берега сходятся, тут противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Загадка жизни, тайны человеческого сердца (внутреннего подполья каждого), вечная борьба светлого и темного начал в человеке, греховность души, необоримость жизненных противоречий, нарушение норм нравственности и морали, законов любви, переменчивость человеческих эмоций и чувств всегда волновали Любовь Никонову, как и ее гениального литературного предшественника. Об этом она говорит на страницах поэтического цикла «Волна блаженства и волна страданья». Поэтесса представляет прозрения души на «пределе своих сверхжеланий», в грозных переливах мирской и божественной любви (прямые ассоциации с «грозным чувством» Достоевского) и приходит к выводу, что, несмотря ни на что, душа, веками мятущаяся в страстях, остается неблагодарной по отношению к великодушному Богу. Размышляя над различными темами жизни земной и небесной, Никонова не расставалась с книгами Ф. М. Достоевского. «Жизнь есть рай, ключи у нас», – подчас повторяла Любовь Алексеевна слова старца Зосимы, оставшиеся в черновиках к «Братьям Карамазовым». И это неслучайно: все поэтическое и прозаическое творчество Л. А. Никоновой было устремлением к раю, в преддверии которого стоял он – Федор Михайлович.

Нередко в рабочих записных тетрадях, конспектах уроков и публичных выступлениях, разработках занятий по тематическим программам,

публицистических размышлениях и личных письмах Любви Никоновой можно наткнуться на крылатые выражения Достоевского и цитаты из его великих романов. Они были необходимы для подтверждения собственных мыслей, служили импульсами к творчеству, звучали иллюстративными примерами на занятиях со школьниками. Достоевский через столетие помогал Никоновой вести нелегкий разговор о состоянии духовности в современном русском обществе, об извечном противостоянии Христа и «смога», «сажи», «непроницаемого зла, перед которым умрет от страха совесть, смолкнут Достоевские и распишется в бессилии христианство». «Обжигающее» слово русского классика позволило ей указать на главную, самую болезненную сегодняшнюю проблему – тотальную зависть, «духовную смердяковщину», проникшую во все сферы быта и бытия в XXI веке:

«Из адских заклепов выходят жесточайшие существа, обваренные, как кипятком, смертельной завистью. Это зависть к Богу, к Слову, к Логосу. Все, что стоит высоко над их смрадными безднами (храм, высокая душа, Евангелие, подвиг, крест, талант, любовь), должно быть утоплено в зловонных котлах духовной смердяковщины. <...> «Любого гения мы загноим в младенчестве», – обещали они еще в «Бесах». Против Слова восстает неимоверный антипод, цель которого – вызвать распад Христа...»

К 190-летию Достоевского Любовь Никонова планировала написать большую публицистическую статью под названием «Поручаю себя Вашей доброй памяти. Год Достоевского в России». Об этом свидетельствует обнаруженный среди черновых записей титульный лист. В ней хотела отразить собственную позицию по поводу многочисленных современных публикаций, книжных и кинематографических новинок о Достоевском. Один из разделов статьи должен был представить свежую книгу Л. И. Сараскиной «Достоевский» (2011) из серии «Жизнь замечательных людей». Другой – вышедший на телеэкраны сериал «Достоевский», который с интересом смотрела, о котором с ручкой в руках читала в «Литературной газете». К сожалению, этому замыслу, как и просветительскому лекционному курсу с элементами видеопказа «Произведения

Ф. М. Достоевского в кино», не суждено было воплотиться. Тем не менее остались теплые воспоминания воспитанников Кузбасской православной духовной семинарии о первой и одновременно последней лекции никоновского видеокурса о романе «Идиот». Она сопровождалась просмотром видеокассеты из личной коллекции писательницы – экранизации одноименного произведения, осуществленной Иваном Пырьевым в 1958 году. К слову, после смерти Любви Алексеевны ее родная сестра передала в музей Достоевского часть видеокассет из этого собрания: «Братья Карамазовы» (1968), «Чужая жена и муж под кроватью» (1984), «Идиот» (2002), «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» (1980)... Они, вместе с другими «обожженными» общением с Достоевским предметами писательского фонда, наверняка расскажут гораздо больше, чем это видится сейчас.

г. Новокузнецк